

Н. Шептуховская
Шуя

Прижизненные издания произведений поэта Константина Бальмонта: культурологический аспект

Трансформация современной культуры, включающая «развитие процесса децентрализации культурных связей и отношений в пользу периферийных центров с превращением их в культурные, научные и образовательные центры»¹ выдвигает ряд проблем. Одна из них – поиск эталонов для возрождения и укрепления на провинциальной почве ценностей российской культуры. В этой связи важным, на наш взгляд, является исследование мемориального наследия выдающихся личностей России, становление и формирование которых происходило именно в провинциальной среде. К таким феноменам, бесспорно, следует отнести имя русского поэта-символиста Константина Бальмонта.

Современное общество, казалось бы, уже сделало первые шаги в оценке редких изданий поэта. Так, в рамках Национальной программы сохранения библиотечных фондов Российской Федерации, в 2000 году была принята подпрограмма «Книжные памятники Российской Федерации», в целях выявления и идентификации наиболее ценной части библиотечных фондов страны. Результатом этой работы стал Общероссийский свод книжных памятников, обозначивший наличие в библиотеках, музеях, архивах фонда книг особой исторической и культурной значимости. В этом своде нашли свое законное место и прижизненные издания произведений Бальмонта. Признаками отнесения данных изданий к категории книжного памятника стали, прежде всего, их библиографическая редкость, наличие автографа поэта, высокохудожественное оформление книги. Таким образом, составители свода выделили наиболее известные ценностные компоненты историко-художественного и мемориального значения книг поэта, зарегистрированных в России.

Бесспорно, что «наука о любом писателе в первую очередь опирается на тексты – главный источник для исследователя. Тексты

же произведений – основной источник и для читателя».² Однако в нашем исследовании центром станет сама книга, её место в разновременном социокультурном пространстве, не исключая при этом художественного текста как филологической ценности. Временные границы печати прижизненных произведений Бальмонта определяются выходом в свет первых стихотворений поэта: «Горечь муки», «Пробуждение», «Прощальный взгляд» в петербургском журнале «Живописное обозрение» (№ 48) и лирической книги «Светослужение», изданной в Харбине, что соответствует 1885–1937 годам. Более полувековой период публикации литературных произведений автора – это своеобразное отражение истории и культуры русского книгоиздательства, столичного и провинциального, российского и эмигрантского.

О ценности первых изданий Бальмонта известный бальмонтовед, профессор П.В. Куприяновский писал: «Огромное значение имеют первопечатные издания и собрания сочинений Бальмонта, которые выходили до революции, но они – библиографическая редкость».³

При исследовании этих уникальных русскоязычных изданий мы в первую очередь учитываем то, что книга – это не только окончательный продукт (этап) полиграфического производства, но и сложный объект культуры коррелятивных отношений, которые можно выстроить по схеме: автор – издатель, автор – читатель, читатель – автор.

Перечень раритетов, безусловно, открывает авторское издание «Сборник стихотворений» Бальмонта, напечатанный в Ярославле в типолитографии Г.В. Фалька в 1890 году. Информация, которой мы обладаем в настоящее время, для характеристики издания минимальна. Начинающий поэт свой первый сборник печатает на скудные собственные средства в известной провинциальной типографии своего времени. Книга не вызывает интереса у читателя, поэт прибегает к попытке реанимации спроса на издание. В письме к приятелю, переводчику В.Ф. Голдрину содержится просьба Бальмонта о помощи в «распространении сборника на следующих условиях: 40% – на благотворительные цели, 20% – в пользу “недостаточных студентов”, 20% – в пользу нужд переселенцев»,⁴ таким образом, книга становится частью исторического пространства.

Сборник вызвал негативные отклики критиков и, по воспоминаниям самого автора, насмешки товарищей-студентов. В результате

поэт уничтожает большую часть тиража, и впоследствии переиздаёт лишь некоторые стихи из этого сборника. Тираж данной книги составлял 1200 экземпляров, но какое количество сохранилось, сказать сложно. Современная оценка ярославского сборника неоднозначна. У филологов сборник, несмотря на мнения некоторых ученых, утверждающих, что он важен при рассмотрении творческой эволюции поэта (в нем были представлены одни из первых оригинальных стихотворений молодого литератора и его первые опыты переводов зарубежных поэтов), чаще остается в тени. Наибольший интерес он вызывает лишь у библиофилов, коллекционеров, сотрудников музеев и библиотек как уникальная антикварная книга.

В ряду таких изданий также следует отметить книгу «Молодая поэзия. Сборник избранных молодых русских поэтов» (СПб., тип. М.О. Вольфа, 1895), составителями которой выступили братья П. и В. Перцовы. Данная антология включает стихи сорока двух поэтов, открывают её произведения Константина Бальмонта. Книга ярко представила тот «ливень поэзии», наиболее полно отразив молодую поэзию последней трети XIX века.

Рубеж XIX–XX веков стал временем активного развития эстетики книги. Отметим, что Бальмонт с детства обращал внимание на оформление книги. В очерке «На заре» поэт вспоминал: «Первая повесть, прочитанная мною на шестом году жизни, была какая-то полусказочная повесть из жизни океанийцев, но я помню лишь, что книжечка была тонкая и в синем переплёте и в ней были картинки очень жёлтого цвета, одна картинка изображала коралловые острова, покрытые пальмами, – и я так её запомнил, что, когда в 1912 году впервые увидел коралловые острова в Тихом океане, приближаясь к Тонга, Самоа и Фиджи, я вздрогнул и в каком-то запредельном свете почувствовал себя в усадьбе Гумнищи пятилетним ребенком».⁵ Так раннее визуальное впечатление маленького читателя стало отправной точкой для развития интереса к оформлению книги, что будет прослеживаться в течение всего творчества поэта.

Фактом серьёзного отношения Бальмонта к художественному и полиграфическому исполнению своих книг является привлечение к их иллюстрированию известных художников: Константина Сомова, Леона Бакста, Мстислава Добужинского, Евгения Лансере, Модеста Дурнова, Маргариту Сабашникову, Всеволода Ульянова, Дмитрия

Митрохина и др. Образцом художественного оформления книги Бальмонта может стать VII том Полного собрания сочинений издательства «Скорпион» – сборник «Жар-Птица. Свирель Славянина» (М., 1907) с цветной обложкой – рисунок К. Сомова и надписью М. Добужинского. Иллюстрация исполнена в 12 красок хромолитографией И. Кадушкина в Санкт-Петербурге.

Любопытно, что и сам Бальмонт пытался стать иллюстратором своих поэтических сборников. В отделе рукописей Института русской литературы, в личном фонде Георга Бахмана,⁶ поэта, переводчика, педагога, друга Бальмонта, хранится уникальный рисунок, выполненный рукой Бальмонта. Пейзаж нарисован синим карандашом на двух сторонах листка, возможно, из записной книжки Г. Бахмана. На одной из сторон изображена водная гладь: на переднем плане человек в лодке, на заднем – солнце на горизонте, на другой стороне – в нижней части нарисованы волны, в левом углу указана дата: «95, 25, XI» (25 ноября 1895), вверху надпись этим же карандашом в две строки: «К. Бальмонт. Въ Безбрежно», окончание слова не прописано. Возможно, что данный набросок является авторским вариантом титульного листа будущей книги «В Безбрежности» (М., 1895), заглавие которой обозначало «задушевную идею» Бальмонта – устремлённость за пределы предельного.

Интересный материал в плане оформления изданий содержат письма Бальмонта в годы эмиграции. Одно из них от 22 декабря 1929 года адресовано В.Д. Брянскому (1868–1944), председателю издательской комиссии при русском Культурном комитете в Белграде, по поводу издания книги поэта «В раздвинутой Дали. Поэма о России» (Белград, 1929): «Многоуважаемый Виктор Диодорович, если возможно, будьте добры, воспроизводя в моей книге мой портрет, сделать указание, что это работа Е.Б. Липницкого, Studio Lipnitzki, 109 rue Faubourg St. Honor. Paris».⁷ По-видимому, поэт высоко оценивал снимки этого известного парижского фотографа, так как в письме Бальмонта к В.Ф. Зеелеру есть упоминание о том, что у Липницкого имеется очаровательный портрет поэта в профиль.

Однако большая часть книг Бальмонта имела скромный вариант оформления. Причиной этому была общая тенденция в русском книгоиздательстве рубежа XIX–XX веков к удешевлению изданий. Рекламный лист издательства «Книжное дело» 1898 года предлагал

книги Бальмонта по следующим ценам (перечислим некоторые): «Под Северным Небом. Элегии, стансы, сонеты» – Ц. 50 коп.; Гофман «Кот Мур. Фантастический роман. Перевод с немецкого» – Ц. 70 коп. Свои коррективы в отношении минимальных затрат на издание вносил и высокий спрос на произведения модного автора у молодёжи. Широкой популярности стихов поэта во многом способствовали его экспрессивные выступления перед публикой. Вот как об этом вспоминает Борис Зайцев: «С Бальмонтом больше всего связаны для меня годы далекие: начало нашего века. И связана – Москва. Там он проявился, “просиял”, и занял первенствующее место. Слава пришла к нему не особенно рано... Но воспринималась его слава юношески. Бальмонт всегда казался моложавей себя... страстней, кипучей, неудержимей сверстников. Дружил охотно с молодежью... И когда он стал выступать на вторниках литературного кружка, дамы с жёлтыми цветами и юноши “декадентского” (какое древнее слово!) вида бешено ему рукоплескали».⁸

В этом бурном признании поэта не отставала и провинция. Со временем, особенно в 1915–1917 годах, эти выступления примут форму просветительских лекций, через несколько лет в эмиграции – «круглых столов». Из известных фактов упомянем лекцию «Поэзия как волшебство» в Ярославле и встречу с потенциальным читателем в Иваново-Вознесенске, о которой поэт писал: «Вчерашний вечер был прекрасным полным торжеством. Полный зал, 750 человек. Поляки, русские, женщины, рабочие – самая разнообразная публика. Я был в волне. Читал стихи и сказал в прозе блестящую речь о Польше. Больше всего меня тронуло, что рабочим я понравился».⁹ Подобные литературные выступления автора перед потенциальным читателем можно считать особой приметой рубежа веков.

Другие источники, которыми мы располагаем, подчёркивают, что Бальмонт как поэт дорожил диалогом с человеком, понимающим «литературные ценности». Примером этому служит эпистолярное общение с поэтессой Людмилой Вилькиной, где тема «Книги» имеет оттенок потаенности. В письме поэта к Людмиле Вилькиной от 29 апреля 1899 года читаем: «Вчера я забыл передать вам книгу... Это “Безбрежность” во 2-м издании... А мне хотелось, чтобы вы имели эту книгу, так как в ней стихотворение, которое Вы любите и которое связано в моей душе с воспоминанием о первых днях наше-

го знакомства. Вы тогда читали его: “Мадонна, Солнце между звёзд...”¹⁰ Важно, что в письмах к Л. Вилькиной постоянно присутствует тема «Книги». И эти отношения возможно рассматривать не только как дружеские, но и как общение автора с одним из читателей. Для самого поэта в эмиграции переписка с писателями давала определённый импульс для творчества. Это подтверждает письмо поэта Броне Буйвидайте, литовской детской писательнице:

Броне Буйвидайтэ.

Noisy-le-Grand, S.o.,
26, av. Chilperic, 26
1937. 23 февраля.
Лунный вечер.

Дорогая Поэтесса,

Благодарю Вас за дружеское письмо, ласковые, близкие моему сердцу, стихи, и отличную повесть “Auksinis Batelis”. Я знал, что Вы поэтесса тонкого стиха, но я не знал, что Вы такая искусная рассказчица, умеющая так легко и воздушно увлечь и малого, и взрослого читателя в текучее и певучее русло повествования. Я люблю этого ласкового, наивного, мечтательного и доброго мальчика, которого Вы так живо нарисовали. Смотрю на него и думаю: “—Да ведь это же я сам в детстве. Только я вырос в усадьбе и большой семье, а не в бедной избушке одинокой крестьянки”.

Каждый отрывок Вашей повести мне дорог. Галчонок! У меня тоже был галчонок, но я его выходил на чердаке, вылечил его крыло, и как он радовался, улетаю. Поход за грибами, детские игры и пляски, танцы на Святках и Пасхальные песни, пускание корабликов по водопольным ручьям и в пруду, жуткий восторг выступить в домашнем любительском спектакле... Много, многое из моего детства совпадает с переживаниями Вашего Петрюкаса. Спасибо Вам.

И спасибо за то, что Вы проббили лёд моего тоскливого молчания. С 17-го января я молчал. А сегодня сердце запело, и я написал, одно за другим, “Золотой Башмачок” и “Синий Февраль”. Посылаю Вам оба стиха. Хорошо бы их перевести на Литовский и напечатать.

Целую Ваши руки.

Искренне Ваш

К. Бальмонт.¹¹

Многие из прижизненных изданий произведений Бальмонта, чаще всего в мягкой обложке, став частью домашней библиотеки, «одевались» во владельческий переплёт. Из воспоминаний Виктории Янковской, современницы поэта: «Бальмонт присылал маме все свои книги, она отправляла их в Японию, откуда они возвращались переплетёнными во всевозможную цветистую парчу, что им было “весьма к лицу”, как говорил об этом профессор русской литературы японец Мойчи Ямогучи».¹²

Важным элементом любого книжного памятника является автограф. Одной из первых публикаций автографов Бальмонта можно считать издание Российской государственной библиотеки «Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах» (М., 1995). Известно, что дарственные надписи на книгах – это особый жанр словесного творчества и в то же время важное звено в раскрытии общечеловеческих отношений. Продемонстрировать это могут прижизненные издания произведений Бальмонта из домашних библиотек русской эмиграции, ныне являющиеся частью коллекции Шуйского Литературно-краеведческого музея Константина Бальмонта.

Сохранение российского национального самосознания и традиций было одной из главных функций русской эмиграции. В это время активной художественной ценностью, объединяющей русских в изгнании, становится книга. Так, книга «Литургия Красоты. Стихийные гимны» (М.: «Гриф», 1905) из библиотеки А.А. Ляпина, внука известного художника В.Д. Поленова, имеет два одновременных автографа. Первая дарственная надпись принадлежит супруге Бальмонта Е.А. Андреевой-Бальмонт и сделана на титуле: «Льву Николаевичу Веберу на память о наших встречах в Москве. 1905 г. Ек. Бальмонт». Другая надпись – авторская, выполнена на двух листах, приклеенных к титулу. Это поэтическое посвящение – цикл «Кони», адресованное супругам Гольштейн: «Посвящаю друзьям моим Александре Васильевне Гольштейн и Владимиру Августовичу Гольштейну».

Интересно появление в книге этой вклейки. Объяснение было найдено в письме Бальмонта к Ф.И. Шуравину¹³ из Капбретона от 15 декабря 1931 года, в котором Бальмонт сообщает: «Вы должны были получить из Парижа Северное сияние. Прилагаю листок по-

священия, чтобы вклеить в книгу».¹⁴ Таким образом, книга «Литургия Красоты» является книгой с «листочком посвящения» и представляет нам особую манеру поэта в оформлении своих дарственных книг.

Особо следует сказать об Александре Васильевне Гольштейн (псевдоним «Баулер», 1850–1937), знаменательной личности русской эмиграции. Она сумела перенести на чужую землю культуру русского помещичьего уклада с его благовоспитанностью, гостеприимством и простотой. Бальмонт был дружен с А.В. Гольштейн. Связывала их творческая и общекультурная деятельность. В 1916 году А.В. Гольштейн совместно с Рене Гилем выпустила в переводе на французский язык сборник избранных стихотворений Бальмонта, в 1921 году стала посредником в передаче поэтом Бальмонтом собственных вещей, пожертвованных в Комитет помощи эвакуированным воинским чинам и беженцам из Крыма (документы хранятся в фонде Шуйского Литературно-краеведческого музея Константина Бальмонта).

Связь с родиной отражена в автографе поэта на книге «Воздушный путь. Рассказы» берлинского издания «Огоньки»: «Морису Донзэлю с чувством искренней преданности. К. Бальмонт. 1923. VII. 19. Париж». Можно предположить, что этого известного переводчика (под псевдонимом Морис Парижанин) литературных произведений Бориса Зайцева, Ивана Бунина, Константина Бальмонта и политических Льва Троцкого, Бальмонт знал, прежде всего, как близкого московского друга, мужа Надежды Константиновны, сестры Бориса Зайцева. Книга долгое время хранилась в Париже в домашней библиотеке А.Б. Аутина, внука поэта.

Таким образом, прижизненные издания произведений Бальмонта можно рассматривать в качестве значимых носителей социокультурного пространства. Оформление книг, определенный путь к читателю и мир бытования позволяют говорить о специфике диалога Бальмонта со своим читателем. Она заключается в авторском отношении к книге как художественной и просветительской ценности, имеющей полярные свойства: доступность для широкого массового читателя и возможность интимного индивидуального прочтения.

¹ Грушевицкая Т.Г. Культурология: учебное пособие. М., 2011. С. 426.

² Куприяновский П.В. Некоторые вопросы изучения биографии и творчества К. Бальмонта // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Иваново, 1993. С. 16.

³ Там же.

⁴ Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001. С. 26.

⁵ Бальмонт К.Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / Сост. В. Бальмонт; вступ. статья Л. Озерова; примеч. Р. Помирного. М., 1980. С. 552.

⁶ ИРЛИ, ф. 22, ед. хр. 163.

⁷ ГАРФ, ф. 6783, оп. 2, д. 6, л. 235.

⁸ ГАРФ, ф. 5878, оп. 2, д. 40, л. 1–2.

⁹ Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Указ. соч. С. 26.

¹⁰ Цит. по ксерокопии: ШКМ, ф.7, оп.2, № 2636/2. (Оригинал хранится в ИРЛИ).

¹¹ Цит. по ксерокопии: ШКМ, н/в9735/3. (Оригинал хранится в Музее литовской литературы, Литва, г. Каунас.)

¹² Янковская В. Забытые жены // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1979. 23 июня.

¹³ Шуравин Федор Иванович (Теодорас Шуравинас, 1889–1966), педагог, переводчик, писатель, уроженец Костромской губернии, с 1907 года учительствовал в Литве. Писал на литовском языке стихи, сказки, рассказы для детских изданий, книжки о путешествиях и путешественниках. Шуравин был постоянным сотрудником разных литовских периодических изданий. Переписка касается подготовки к печати «Собрания литовских сказок» в переводе Ф.И. Шуравина с предисловием К.Д. Бальмонта.

¹⁴ Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. 2012. VII. С. 177.